

Ю. В. Астафьев

СТРУКТУРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ (Процессуальный и непроцессуальный аспект)

Общефилософская категория “познание” подразумевает особый вид творческой деятельности по освоению действительности в различных ее проявлениях (процессы, явления, факты). При этом в зависимости от целей, способов и уровней познания можно говорить о неоднородности и сложности познавательного процесса. Для характеристики последнего особое значение приобретает направленность познания, которая в основе своей подразделяется на две составляющие — познание перспективное и познание ретроспективное. Если задача первого — обеспечение общественного прогресса, то задача второго конкретнее — установление соответствия сведений о фактах существующим фактам, определение тождества обстоятельств установленных и обстоятельств устанавливаемых (цель познания). Последнее приобретает особое значение при исследовании обстоятельств, которые носят (либо с большой долей вероятности могут носить) уголовно-правовой характер. Речь идет об уголовно-процессуальном познании. Специфичны здесь и цель познания, и его средства, а также условия, в которых оно протекает. Установление истины (как истины конкретного факта), а также экстремальность самого исследования предполагает сложный характер такого рода познания. В орбиту исследования попадает широкий спектр обстоятельств, имеющих как прямое, так и опосредованное отношение к объекту уголовно-процессуального познания. Лишь в ходе уголовно-процессуальной познавательной деятельности может быть получена информация о фактах, имеющих особое значение в уголовном процессе, юридически значимых обстоятельствах.

Однако базой уголовно-процессуального познания является познание научное. Между ними имеется много общего. Так, методология (в широком смысле), на которую опирается процесс уголовно-процессуального познания — есть общефилософская теория отражения. Сходны (в определенных пределах) методы различных сфер познания (сбор информации, накопление, систематизация, формулирование выводов путем обобщений широкого или узкого спектра, применение общих выводов к конкретной ситуации и т. д.). Да и главная цель любого познания — установление истины

— не может различаться в зависимости от той или другой познавательной цели. Основное отличие уголовно-процессуального познания от иных сфер познавательной деятельности состоит в специфике самого характера познаваемого. И. Я. Фойницкий справедливо отмечал: “Историческая истина вообще и судебная в частности достигается при помощи тех же приемов и способов, как и научная истина, и столь же реальна, отличаясь от последней лишь тем, что содержанием ее являются не общие законы, а признаки и явления отдельных фактов или группы фактов...”¹. Однако сказанное — лишь один из специфических аспектов “уголовно-процессуальной” истины. Важнее другое: уголовно-процессуальное познание, в отличие от любого иного, является неотъемлемым элементом реализации государством своих функций по обеспечению законности и правопорядка. Оно возникает как необходимость, обязательность государственного реагирования в такой форме на угрозу значимым гарантиям развития механизма бесперебойной работы власти. В этой связи истина, которая здесь устанавливается, есть истина юридическая по своему содержанию. Фактическая сторона познаваемого преломляется через юридическую оценку, поэтому и направленность познания, и содержание установленного весьма специфичны. Познание юридической истины предполагает определенные процессуальные гарантии ее установления, рамки, строго очерченные правом.

Специфика уголовно-процессуального познания состоит и в сложном сочетании факторов достоверности и вероятности в установлении истины. Вероятность представляет собой лишь один из этапов сложного процесса уголовно-процессуального познания (построение версий, сбор и обнаружение доказательств и пр.). Конечным же результатом уголовно-процессуального познания всегда должна являться достоверность. М. С. Строгович верно заметил: “Вероятность указывает путь расследования, но не предрешает его результатов”². Выводы уголовно-процессуального познания специфичны и тем, что не могут строиться лишь на изучении большого числа однопорядковых явлений (хотя бы и юридически значимых) и применении общих выводов “по аналогии” к конкретному познаваемому деянию. Уголовно-процессуальное познание есть всегда познание конкретного, индивидуально-определенного. Аналогии уместны лишь при юридической оценке познанного и в этом случае вполне оправдан юридический силлогизм.

Вопрос об уголовно-процессуальном познании выходит за рамки чисто юридического исследования. Познание в уголовном процессе нельзя искусственно отрывать от общеправового анализа позна-

вательной деятельности человека, однако специфика, присущая познанию процессуальному, не позволяет автоматически перенести весь комплекс общеправовых методов в правовую сферу. Философские методы выступают как базовая основа методов, присущих области правовых исследований, однако ни в коей мере не заменяют последних.

Особенность уголовно-процессуального познания в том, что субъект познавательной деятельности сталкивается с явлениями как выражением сущностей. Без такого выражения сущность не может быть установлена сама по себе. Она должна проявить себя. Примерами таких проявлений могут быть неправомерное поведение, активное противодействие в установлении истины со стороны участников процесса, специфика реализации асоциальных мотивов и целей и т. п. Вместе с тем в уголовно-процессуальном познании могут быть искусственно созданы ситуации, моделирующие условия для проявления таких сущностей. В этом случае уголовно-процессуальное познание может включать в себя не только ретроспективный, но и перспективный аспект.

Познанию вообще и уголовно-процессуальному познанию в частности присущ, на наш взгляд, следующий механизм: от мотивов-побуждений — к освоению действительности. Мотивирующую и побудительную роль в уголовно-процессуальном познании играют сами цели, которые ставятся государством при реализации им охранительной функции в определенных формах. Именно на базе этих средств используется особый механизм уголовно-процессуального познания, который включает в себя сочетание “предпроцессуальных”, процессуальных и связанных с ними непроцессуальных действий. Развитие процесса уголовно-процессуального познания протекает от более общего к частному, от конкретики явления к конкретике фактов, составляющих юридически значимую основу самих явлений. Выражением такого перехода является появление оснований для начала процесса уголовно-процессуального доказывания. Последнее возникает на базе познания, однако не является зеркальным отражением (пусть и в более узкой форме) познавательной деятельности, так как имеет и свою специфику. Следует также отметить, что объективные закономерности процесса уголовно-процессуального познания (как и познания в целом) неизбежно опосредуются в субъективизме познающего. В уголовно-процессуальном аспекте это проблемы внутреннего убеждения и правового сознания. Более частные проявления — выбор средств и методов познания, оценка полученной информации, места и значимости для установления процессуально-правовой истины возникающих на

основе такой информации умозаключений, а также процесс группирования и систематизации умозаключений (реализующийся как мотивирование и обоснование в уголовно-процессуальном смысле).

Ситуации, в которых происходит уголовно-процессуальное познание, обладают определенной особенностью, выражающейся в том, что им свойственны одновременно черты проблематичности и типологии.

Проблематичность — движущий элемент, мотив познания. Решение проблемы есть достижение цели познания. Типология же предполагает возможность использования стандартных приемов познания, разработку путей повышения эффективности такого использования, поиск новых форм взаимодействия различных элементов механизма познания. Благодаря тому, что каждое явление или процесс как объекты процессуального познания строго индивидуальны (в смысле всего спектра проявлений, сумма которых и порождает проблематичность) и типичны (с точки зрения повторяемости отдельных звеньев явлений или процессов, а также определенной системы методов исследования), возникает возможность совершенствования самого механизма познания путем конструирования новых методологических форм осуществления познавательной деятельности. Последнее относится как к сфере процессуального, так и к сфере непроцессуального в познавательной деятельности в рамках уголовного процесса. Выход из ситуации проблемы, конфликта происходит благодаря использованию привычного арсенала средств в различных интерпретациях и новых методов как элемента творческой стороны познания.

Познание основано на отражении, но не тождественно последнему. Благодаря отражению как свойству объективного мира и человеческого сознания, сам познавательный процесс становится возможным и реализуемым. Однако познание по сути своей есть освоение действительности. Данная характеристика выражает активный и творческий аспект познания. Если отражение — статично, то возникающее на его основе познание — динамично. Образы, возникающие благодаря отражению как адекватному восприятию действительности, никогда не смогут стать самостоятельными основами проникновения в сущность явлений и процессов. В этой связи излишне категоричным представляется мнение, согласно которому принцип познаваемости по существу тождествен принципу отражения³ (тем более, что сами авторы такой позиции признают многоуровневый характер уголовно-процессуального познания). Фиксация следов-отражений происшедшего в окружающем мире — это лишь сигнал для включения механизма логи-

ческого осмысления информации с целью понимания ее юридически значимой сущности. Действие такого механизма и составляет сущность уголовно-процессуального познания, ядро которого — доказывание.

Для уголовно-процессуального познания характерны последовательность и иерархичность. Исследование разрозненных, единичных деталей с необходимостью предполагает формирование вывода-целого. На базе последнего происходит выявление потребностей познания явлений более сложного характера и так далее, до того момента, пока у субъектов познания не останется сомнений в установлении истины, имеющей процессуальное значение (заметим, что последняя отнюдь не безусловно должна совпадать с истиной в философском ее понимании, во всем многообразии составляющих, но лишь в тех объективных аспектах, которые могут быть оценены с правовых позиций, либо приведут к юридически значимому выводу).

Комплексный, сложный характер установления юридически значимой системы определяет и многоуровневую систему ее познания. Будучи процессом поступательным, многоэтапным, познание развивается в нескольких параллельных срезах (процессуальном, криминалистическом, психологическом, оперативно-розыскном и других). В этой связи высказанная С. А. Шейфером идея о взаимосвязи “познавательных циклов” в процессе расследования⁴ заслуживает всемерной поддержки. Более того, указанные циклы познания могут быть применены к решению всего комплекса уголовно-процессуальных задач, достижения уголовно-процессуальных целей. Элементы уголовно-процессуального познания могут иметь место не только в процессуальной, но и во внепроцессуальной деятельности (при условии ее определенной направленности).

По существу речь может идти о различии уровней познания в зависимости от уровней отражения действительности. В этом смысле можно говорить о процессуальном уровне отражения действительности в познании — доказывании, и непроцессуальном — криминалистическом и оперативно-розыскном познании.

Остановимся на каждом из указанных элементов и диалектике их взаимодействия подробнее.

Доказывание как одна из сфер уголовно-процессуального познания определяется обычно как осуществляемая в установленном законом порядке деятельность уполномоченных государственных органов по собиранию, исследованию и оценке фактических данных об обстоятельствах, достоверное установление которых необходимо для правильного разрешения дела, установления истины и решения

задач уголовного процесса⁵. Нормы процессуального права, регламентирующие цели, порядок, пределы и содержание этой деятельности, — доказательственное право. Однако характеристика доказывания лишь как процессуальной деятельности представляется неполной. Доказывание не просто осуществляемая в установленном порядке процессуальная деятельность, а процессуальная познавательная деятельность. Такое дополнение необходимо в силу неразрывной взаимосвязи этих двух явлений и в силу того, что именно таким образом можно подчеркнуть сущность, стержень уголовно-процессуального доказывания — полное, всестороннее установление последних, раскрытие всех причинно-следственных связей, возникающих на их основе, составляет предмет уголовно-процессуального доказывания. Задачи доказывания уже, нежели познания, так как само доказывание возникает как результат познания. Вместе с тем очевиден и тот факт, что доказывание не заменяет познание, а напротив, становится его элементом, однако элементом доминирующим. На определенном этапе уголовно-процессуальное познание и уголовно-процессуальное доказывание сливаются в единый процесс, где любое отграничение явилось бы искусственным. Доказывание как бы фокусирует в своем предмете цель и задачи познания, делая их более рельефными и четкими.

Если в процессе познания происходит обнаружение и отбор информации для процессуального использования (либо содействия такому использованию), то в доказывании производится отбор сведений из различных источников информации для последующего процессуального закрепления в качестве доказательств. Единство и взаимосвязь указанных отборов и рождает единство и взаимосвязь познания и доказывания. Объект уголовно-процессуального познания гораздо шире объекта уголовно-процессуального доказывания в связи с тем, что познание направлено на установление истины по уголовному делу во всем многообразии ее юридически значимых проявлений, а доказывание предполагает строго определенное обоснование виновности конкретного лица в конкретном деянии.

Для возникновения первооснов уголовно-процессуального познания, появления его начальных элементов особое значение имеет уже само подозрение в совершении либо покушении на совершение уголовно наказуемого деяния. Будучи процессуально закрепленным в качестве четко сформулированного обвинительного тезиса, такое подозрение влечет уголовно-процессуальное доказывание (понимаемое и в качестве элемента познания, и в качестве самостоятельного средства исследования). Таким образом, уголов-

но-процессуальное познание — закономерный итог развития общепреventивной познавательной деятельности.

Лишь на определенном этапе развития познавательной деятельности объективная необходимость приводит к трансформации значительной части процесса познания в уголовно-процессуальное доказывание. Однако при этом познание сохраняет и самостоятельное значение.

Познание в уголовном процессе есть как бы преддверие доказывания. Доказывание — по сути своей познание, но это своего рода “суженное” познание. Это выражается в целях и средствах, присущих уголовно-процессуальному познанию и уголовно-процессуальному доказыванию. Общая цель и в первом и во втором случаях одина — раскрытие преступления и установление виновных. Но на этапе “первоначального, всеохватывающего” познания неизбежно имеет место своего рода “размытость” направленности в связи со скудностью информации, имеющихся противоречий в цепочке умозаключений (именно поэтому первоначальная “правоохранительная” деятельность-реакция требует сочетания процессуальных и непроцессуальных методов познания). Процесс же доказывания более конкретен. Доказывать можно лишь наличие или отсутствие таких обстоятельств, представление о которых уже складывается с достаточной полнотой для оснований процессуальной деятельности (непроцессуальные методы выполняют здесь обслуживающую, вспомогательную функцию).

Нельзя не отметить и тот факт, что уголовно-процессуальное познание выходит за рамки уголовного процесса, в то время как уголовно-процессуальное доказывание в своей основе (предмет, методы и т. д.) ограничено процессом. Лишь понимаемое как доказывание познание (на определенном этапе) попадает в процессуальные рамки. Нельзя согласиться с А. А. Давлетовым, характеризующим познание как процесс, где непосредственно исследуются только доказательства⁶. Прежде чем последние станут предметом исследования, необходимо провести ряд мыслительных, логических и непроцессуальных мероприятий, имеющих своей задачей конкретизацию самого исследовательского процесса, возникновение и реализацию возможностей получения доказательств, анализ способов получения информации, имеющей доказательственное значение.

Развитие познания через уголовно-процессуальное доказывание ни в коей мере не исключает динамики другого уровня познания по уголовному делу — непроцессуального. К последнему прежде всего относится познание истины по делу посредством проведения

оперативно-розыскных мероприятий. Вряд ли является характерной чертой уголовно-процессуального познания удостоверение фактических обстоятельств дела в процессуальной форме. Последнее верно в полной мере лишь для определенного этапа уголовно-процессуального познания — доказывания. Однако нельзя исключать из процесса познания установление определенных фактических обстоятельств непроцессуальным путем. Результаты такой формы познания не закрепляются в строго регламентированных процессуальных формах, однако имеют свое существенное значение для установления истины по делу.

В то же время было бы неверным отождествлять всю оперативно-розыскную деятельность с познанием по уголовному делу. Оперативная деятельность осуществляется в 3 основных направлениях: контрольная деятельность, превентивная деятельность и деятельность по обеспечению эффективности производства по уголовному делу. Лишь два последних направления оперативно-розыскной деятельности связаны с уголовно-процессуальным познанием. Сказанное, однако, не означает жесткого разделения направлений развития ОРД. Все они тесно взаимообусловлены.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ст. 108), закрепляя поводы к возбуждению дела, указывал и такой, как непосредственное обнаружение органом дознания признаков преступления. Новый УПК РФ (ст. 140) уже не содержит такого узкого толкования понятия “повод к возбуждению дела”. По логике законодателя, любая информация, собранная оперативно-розыскными органами, в случае если она содержит достаточно весомые сообщения о возможном преступлении, может быть использована в качестве повода к возбуждению дела. Предоставление органами, осуществляющими ОРД, такого рода информации является сигналом для начала и развития уголовно-процессуального познания. При этом доказывание как элемент познания объективно не может возникнуть, поскольку требует процессуального опосредования.

Следующим этапом проявления оперативно-розыскной деятельности в познавательном процессе является реализация оперативных мероприятий с целью установления фактических и юридических оснований возбуждения уголовного дела.

Законодатель не устанавливает конкретного перечня действий по проверке оснований возбуждения дела. В этой связи нет препятствий для привлечения к такого рода проверке арсенала оперативных действий. Установление оснований возбуждения дела — также элемент уголовно-процессуального познания, особую роль в котором на данном этапе играет ОРД.

Активизация процесса доказывания при производстве предварительного расследования не лишает процесс познания его многоуровневого характера.

Оперативно-розыскная деятельность вносит свой вклад в познание на данном этапе в 4 основных формах:

а) предоставление информации, необходимой для принятия следователем решения о производстве тех или иных следственных действий (особенно обысков, выемок, осмотров, опознаний, освидетельствований), а также содействие следователю в подготовке и проведении следственных действий;

б) результаты ОРД могут быть использованы в доказывании (хотя законодатель и не раскрывает сущность такого использования, полагаем, что речь идет о формировании на основе оценки результатов ОРД доказательств);

в) использование информации оперативных органов для принятия решения об избрании меры пресечения. Прежде всего имеются в виду сведения о личности обвиняемого (подозреваемого), его образе жизни, привычках, связях;

г) выполнение поручений и указаний следователя о производстве розыскных действий. Сказанное относится прежде всего к розыску обвиняемого, принятию мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, проверке достоверности установленных в ходе следствия обстоятельств и т. д.

Вся указанная деятельность — важнейший элемент уголовно-процессуального познания по уголовному делу.

В процессе досудебной подготовки материалов дела роль ОРД в уголовно-процессуальном познании несколько снижена, однако не исчезает вообще. Так, оценивая достаточность материалов для судебного разбирательства, а также полноту и законность проведенного расследования, судья вынужден анализировать и материалы дела, относящиеся к оперативно-розыскной деятельности.

Проводя же мероприятия подготовительного характера, судьи обязаны рассмотреть информацию руководителей оперативных органов о необходимости проведения закрытого судебного заседания с целью неразглашения определенных сведений, либо обеспечения безопасности определенных лиц. Судья вправе также дать распоряжение оперативным органам по обеспечению явки в суд лиц, подлежащих вызову.

Судья вправе поручить органам дознания принять меры обеспечения гражданского иска и конфискации имущества. Последние обязаны установить наличие имущества, его местонахождение

ние и предоставить информацию для наложения ареста, а затем обеспечить сохранность имущества.

Уголовно-процессуальное познание в судебном разбирательстве также не может обойтись без учета познания в рамках ОРД. Здесь связь прослеживается в трех позициях:

а) непосредственное представление результатов ОРД в суд (производится по требованию судьи по определенной процедуре, с ограничением представляемого материала — ст. 11, 12 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”). Задача суда при этом в том, чтобы оценить представленный материал с точки зрения возможности придания ему доказательственного значения;

б) исследование в ходе судебного разбирательства доказательств, добытых в результате ОРД, а также определение условий допроса свидетелей, сотрудничающих с оперативными органами.

Существенные проблемы при этом возникают перед судом и в случае необходимости принятия решения о возбуждении дела в отношении негласных сотрудников оперативных органов, участвовавших в совершении противоправных действий. Уголовно-процессуальное познание будет включать в себя при этом доказывание их виновности или невиновности, оценку познавательной направленности и значимости проводимой ими работы, соотношение с их деятельностью категории крайняя необходимость и т. д.;

в) предоставление судье по его требованию органом, осуществляющим ОРД, оперативно-служебных документов в целях обеспечения полноты и всесторонности рассмотрения дела и использование результатов ОРД для подготовки и осуществления судебных действий.

Закон не конкретизирует ни перечень оперативно-служебных документов, ни порядок использования результатов ОРД, однако, как представляется, речь идет не только об “организационных мероприятиях”, но и о представляемых судье по его требованию материалах, позволяющих эффективно провести ряд судебных действий (допрос участников процесса, исследование вещественных доказательств и т. п.). При этом указанные материалы не являются процессуальными, однако способствуют установлению истины. Судья не приобщает данные материалы к уголовному делу, однако принимает меры к созданию условий, обеспечивающих защиту сведений, содержащихся в представленных оперативных документах.

Опосредованно результаты оперативно-розыскной деятельности как сферы процессуального познания, проявляются и в кассацион-

ном, а также в надзорном производстве. Здесь будет оцениваться сущность проводимых по делу оперативно-розыскных мероприятий, их обоснованность и законность, порядок преобразования оперативной информации в доказательства и соответствие такого преобразования требованиям УПК РФ. В этом случае, если указанные вопросы нашли отражение в определении кассационной или надзорной инстанции, то, как и другие указания суда, они приобретают обязательную силу и должны быть учтены следователями и судами, осуществляющими деятельность в контакте с оперативными работниками.

В стадии исполнения приговора элемент познания в оперативно-розыскной деятельности проявляется прежде всего для установления объективной характеристики осужденного. Результаты оперативных мероприятий зачастую могут стать поводом к началу производства о направлении условно осужденных или условно освобожденных в места лишения свободы, применения к осужденному условно-досрочного освобождения от наказания и замену его более мягким, изменения условий содержания осужденных во время отбывания наказания. Информация о поведении указанных лиц добывается сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел.

Следует отметить и значимость оперативно-розыскных действий в процессе познания, осуществляемого при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Законодатель в числе обстоятельств такого рода, помимо судебных решений, выделяет “иные обстоятельства, неизвестные суду при постановлении приговора или вынесении определения”. Установление указанных обстоятельств, в большинстве своем, есть результат оперативно-розыскных действий, поскольку процессуальная деятельность после вступления приговора в законную силу прекращается. Соответствующие сообщения оперативных органов направляются прокурору, который и выносит постановление о возбуждении дела по вновь открывшимся обстоятельствам, а затем сам, либо через следователя производит расследование указанных обстоятельств. При этом важной задачей является трансформация полученных сведений в процессуально значимую информацию.

Особая форма взаимодействия оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального познания — это санкционирование судьей оперативно-розыскных мероприятий. Согласно действующему законодательству, судебное решение необходимо для проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, теле-

фонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической или почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища. Важнейшим условием такого судебного решения является уголовно-процессуальная перспектива развития явлений, ставших объектом оперативно-розыскной деятельности. Законодатель четко определяет эту перспективу как: признаки подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; лица, подготавливающие, совершающие или совершившие противоправное деяние, предварительное следствие по которому обязательно; события или действия, создающие угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ. Таким образом, судебное решение, санкционирует важнейшие оперативно-розыскные мероприятия на перспективе уголовно-процессуального познания. Сами же оперативно-розыскные мероприятия, проводимые по судебному решению, призваны развить эту перспективу.

Все изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что в многообразии форм уголовно-процессуального познания важнейшее значение имеют две — доказывание и оперативно-розыскная деятельность. Причем они существуют не только параллельно, взаимодополняя друг друга, но, более того, могут вызывать друг друга к жизни, предшествовать и следовать друг другу.

Следует отметить, что цель и первого, и второго совпадает с целью познания в целом — установление истины по делу. Речь идет лишь о многообразии средств установления юридически значимой истины. Само уголовно-процессуальное познание неизбежно начинается с деятельности по отбору из числа разрозненных сведений о фактах такой информации, которая может иметь в последующем уголовно-процессуальное значение, работы с носителями такой информации. Хотя сам процесс как определенная, урегулированная правом форма возникает лишь при наличии условий, предусмотренных в законе, познание, направленное на достижение уголовно-процессуальных целей, возникает значительно раньше. Более того, и в самом процессе доказывания исследуется информация, еще не получившая статус доказательств. Ограничение деятельности по установлению истины лишь процессуально-доказательственной деятельностью вряд ли обосновано. Установление истины предполагает использование как процессуальных, так и непроцессуальных методов. Законодатель однозначно закрепляет значимость непроцессуальных способов установления истины в ст. 11 Федерального Закона “Об оперативно-розыскной деятельно-

сти в РФ”. Тот факт, что определенные действия по установлению истины не закреплены в процессуальном законодательстве, отнюдь не превращает их во “внеправовые”. Наличие правового регулирования служит источником такого рода деятельности. Непроцессуальные мероприятия занимают свое, определенное место в уголовно-процессуальном познании.

Государство заинтересовано не только в том, чтобы оперативно и качественно раскрыть совершенные преступления, но и в том, чтобы предотвратить преступления готовящиеся, изолировать лиц, представляющих общественную опасность. Пресечение попыток совершения повторяемых и продолжения длящихся преступлений — также неотъемлемая часть правоохранительной функции государства. Первоначальная информация, возникающая уже в процессе общепревентивной деятельности, может сыграть роль сигнала для начала процесса уголовно-процессуального познания. В этой связи вызывает возражения высказанное в юридической литературе мнение о том, что получение ориентирующей информации непроцессуальным путем не входит в уголовно-процессуальное познание и является разновидностью познания обыденного, а также о том, что “ничем иным, как доказыванием, уголовно-процессуальное познание быть не может”⁷. Цель, задачи, способы и характер регулирования оперативно-розыскной деятельности свидетельствуют о ее жесткой связи с уголовным процессом. При этом важнейшая задача ОРД, наряду с превенцией, — способствовать установлению процессуально-значимой истины.

Сама же превенция не может быть искусственно отделена от уголовного процесса, но не может и отождествляться с ним. Дело в том, что одна из общих целей процесса — социально-значимая превенция (раскрытие конкретного преступления предполагает борьбу с преступностью в целом и предотвращение других преступлений). Но целью отнюдь не любой превенции является процесс. Последний возникает лишь в случаях когда “позитивная” превенция не привела к желаемому результату. Именно здесь и будет проявляться значение оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном познании.

Оперативно-розыскная деятельность, таким образом, может выступать как в роли повода для начала уголовно-процессуального познания, так и в роли средства, обеспечивающего эффективность познания (особенно на таком его этапе как доказывание). Вместе с тем и сам процесс может вызвать к жизни определенную систему, состоящую из процессуальных, оперативно-розыскных и криминалистических мероприятий.

Следует подчеркнуть, что первоначальный объект познавательной деятельности возникает как результат ОРД и лишь затем конкретизируется и развивается в процессе доказывания. Невозможно начать доказательственный процесс без определенной базы, определенных, пусть поверхностных, сведений о фактах. Именно эти сведения дополняются, проверяются и оцениваются в процессе доказывания.

Изложенное выше позволяет сделать вывод: уголовно-процессуальное познание различно как по форме, так и по методам осуществления. Оно подразделяется на различные этапы и элементы. Оперативно-розыскная и доказательственная деятельность являются при этом неотъемлемыми частями единого процесса установления истины по делу.

¹ *Фойницкий И. Д.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 173—174.

² *Строгович М. С.* Учение о материальной истине в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 88.

³ Курс советского уголовного процесса. Часть общая / Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 525.

⁴ *Шейфер С. А.* Собрание доказательств в советском уголовном процессе: методические и правовые проблемы. Саратов, 1986. С. 17—24.

⁵ См. подробнее: *Кокорев Л. Д.* Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973. С. 31.

⁶ *Давлетов А. А.* Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991. С. 55—58.

⁷ *Шейфер С. А.* Указ. соч. С. 32.